Шмуэль Эйзенштадт

Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация

Введение

СОВРЕМЕННЫЙ мир становится свидетелем множества новых тенденций в религиозном пространстве. Эти тенденции приводят к изменению и трансформации места религии на мировой арене, а также знаменуют собой возникновение новой цивилизационной констелляции.

Данные тенденции ломают привычные представле-ния о «религии» и бросают вызов устоявшимся предпосылкам до недавнего времени доминировавшего академического и общественного дискурса, согласно которому экспансия современности, модернизация обществ неминуемо и естественно ведет к секуляризации мира, ослаблению значимости религии для доминирую-щего мировоззрения и утраты ею центрального положения в публичных пространствах (прежде всего, в ключевых современных революционных и национальных государст-вах, являющихся институциональными носителями программ современности) с последующим полным уходом религии из публичной сферы.

На первых стадиях кристаллизации социального и политического пространства после Второй мировой войны, действительно, казалось, что основные тенденции в религиозных сферах большинства современных обществ дают все основания для согласия с базовыми предпосылками, касающимися продолжающейся се-куляризации как типичного воплощения процессов модернизации. Среди наиболее важных тенденций можно отметить следующие: во-первых, все большая кристаллизация религиозной сферы как только одной из институциональных сфер наряду со всеми прочими; во-вторых, утрата религией своего доминирующего положения в конституции доминирующих мировоззрений, особенно по сравнению с прежними периодами; в-третьих, ослабление религиозных властей и религиозных практик, сопровождающееся усиливающейся деритуализацией и зримой десакрализацией ключевых пространств, как частных, так и публичных.

Подобное положение дел, знаменующее собой апогей классической эпохи или классических моделей современности, начало меняться — сначала медленно, а затем гораздо быстрее и интенсивнее — в последние два или три десятилетия XX века. Эти изменения были непосредственно связаны с началом — на Западе, а затем и по всему миру — ряда процессов, повсеместно выявившихся в различных констелляциях и приведших к масштабным изменениям в религиозных сферах.

Оригинал см. по изданию Eisenstadt Sh. N. The New Religious Constellations In The Frameworks Of Contemporary Globalization And Civilizational Transformation // World Religions and Multiculturalism (Eds. Ben-Rafael & Sternberg). Leiden, Boston: Brill,

2010. P. 21 – 40. Права на перевод и русское издание предоставлены издательством Koninklijke Brill NV.

Кристаллизация новых паттернов религиозности и религиозных констелляций

В современном мире практически во всех — и особенно в «мировых» — религиях, хотя и в разных конкретных формах, образуется новая религиозная констелляция, характеризуемая, с одной стороны, умножением и приватизацией религиозных установок, практик и форм эмоциональности; упадком институциональной религии; развитием множества новых «неформальных» типов религиозных установок, форм деятельности, движений и организаций внутри до недавнего времени преобладавших официальных религиозных институтов и организаций, а также среди их членов. А с другой стороны, для этого нового периода характерны активизация и перенос различных религиозных установок и форм деятельности во всевозможные политические структуры, нацеленные на конституирование новых политических идентичностей. Религиозные идентичности и практики, которые в классической модели национального государства сужались или втискивались — в теории и, в гораздо меньшей степени, на практике — в частные или вторичные полу-публичные сферы, были перенесены в национальные, транснациональные и международные публичные пространства (в некоторых случаях ключевые). Действительно, одной из наиболее значимых тенденций, формирующих политические пространства и коллектив-ные идентичности современного мира, стало «возрожде-ние» религиозных — иногда в сочетании с национально- этническими — компонентов, их перемещение в самый центр национальной и международной политической деятельности, в самый центр конституции коллективных идентичностей. Одновременно данные тенденции сильно изменили отношения между «локальными» и «глобальными» контекстами, равно как и отношения между тотальными метанарративами и более локальными социальными и культурными перспективами. Однако подобное перемещение не привело к простому возвращению традиционных форм религиозных организаций, властей или практик; скорее оно способствовало масштабному переустройству религиозных компонентов всех культурных и институциональных формаций.

В тесной связи с описанными процессами находятся изменения в структуре религиозной власти, дающие о себе знать в повсеместном ослаблении основных церковных институтов, а также в обострении борьбы между различными религиозными организациями, движениями и лидерами за обладание религиозной властью и ее легитимацию. Кроме того, разворачивается борьба за правильную интерпретацию основных предпосылок соответствующих религий и их отношения к современному миру. Данные многочисленные изменения получили свое развитие благодаря

появлению множества новых народных религиозных лидеров (продвигаемых — в противовес прежним «традиционным» религиозным властям — за счет, прежде всего, новых электронных средств массовой информации), новых религиозных концепций и интерпретаций основополагающих предпосылок соответствующих религий, а также множества ранее не существовавших практик. Все это в совокупности приводит к образованию новых национальных и международных публичных пространств, уже не регулируемых ни некогда доминировавшими религиозными, ни новыми политическими властями.

В результате во всех религиях — пусть и в разной степени — происходят изменения в отношениях между, с одной стороны, религиозными верованиями и практиками, а с другой — «официальными» властными религиозными кодами. Таким образом, имеют место масштабные изменения, касающиеся соотношений различных космологических и доктринальных измерений или компонентов: в индивидуальных религиозных формах эмоциональности и практиках; в институционально-организационных аспектах; №1(30) · 2012 35 Религия и множественные современности 36 © Государство · Религия · Церковь в структуре религиозной власти, в ее отношении к основным политическим и институциональ-ным формациям, а также к конституированию общностей и коллективных идентичностей; наконец, в отношениях между ключевыми религиями.

Подобные тенденции не обязательно знаменуют исчезновение мощных трансцендентных религиозных установок из культурной и политической панорамы современных обществ. Скорее, они приводят к умножению установок, обращенных на трансцендентную реальность, нередко приводя к появлению новых религиозных форм восприятия, новых практик и способов участия. Не приводят эти тенденции и к исчезновению религии из публичных пространств соответствующих обществ, а также из процесса формирования коллективных идентичностей. Наоборот, данные тенденции тесно связаны с новым мощным вторжением религии в самый центр этих пространств, но уже совершенно новым образом, сигнализирующем о зарождении новых масштабных цивилизационных формаций.

Кроме того, по всему миру получили развитие сектантские и полусектантские группы и формы деятельности, среди которых наиболее заметными являются пресвитерианские группы и движения, разрастающиеся по всему миру — в Южной Америке, Корее и прочих азиатских странах. Многие из подобных сектантских групп, движений или неформальных объединений, наряду с целым рядом новых культов, получили свое развитие и в других мировых религиях, хотя об этом и менее известно: например, различные суфийские ордена или буддистские группы. Вместе с этим умножается число религиозных или «духовных» идей или течений в духе «Нью-Эйджа». Хотя эти движения, группы и течения не были организованы в какие либо общие национальные или международные структуры, все же между ними установилось множество «транснациональ-ных» связей, ставших новым элементом общей глобальной сцены.

Наконец, еще одной важной тенденцией современного глобального мира стал рост виртуальных транснациональных религиозных и этнических объединений и сообществ, в число которых входят и новые диаспоры. Диаспоры, например, «заморские» китайские или индийские общины, существовали на протяжении многих веков, то же самое верно и в отношении схожих транснациональных и трансимперских религий, будь то католицизм, православие, буддистские и, само собой, иудейские общины. Однако под влиянием увеличивающихся потоков миграции, связанных с глобализацией, а также под влиянием развития новых электронных средств массовой информации происходит не просто взрывной рост подобных диаспоральных сетей и организаций, многие из которых являются абсолютно новыми. Масштабные трансформации касаются еще и структуры данных сетей, форм участия в них, равно как и их присутствия в национальных и международных публичных пространст-вах и формирования современных коллективных идентич-ностей. Результатом становятся масштабные изменения в самом устройстве транснациональных религиозных организаций, в их отношениях с государством и гражданским обществом, а также в международных делах.

В большинстве подобных сообществ так или иначе еще сохраняется некоторое представление о некоем «доме», однако в общем и целом они все более уходят от подобных представлений. Во многих сообществах дает о себе знать мощный импульс к отрицанию различных локальных традиций, к развитию новых универсалистских транслокальных идентичностей, продвигаемых, прежде всего, бесчисленными транслокальными сетями «идеологически» родственных религий и сообществ, связанными друг с другом непосредственно — минуя посредничество «дома» или любого конкретного территориального центра. Отсюда вытекает возникнове-ние новых трансгосударственных религиозных организаций, сталкивающихся друг с другом, что приводит к масштабным сдвигам в отношениях между основными религиями.

Все эти сообщества и идентичности, включая фундаменталистские, общинно-национальные и сектантс-кие, характеризуются новыми децентрализован-ными паттернами религиозной власти, форм подчинения и членства. Подобные тенденции тесно увязаны со спорами внутри каждой религии между различными религиозными организациями, движениями и лидерами относительно «правильной» интерпретации базовых предпосылок, отношения к современному миру и вопроса о власти.

Подобные новые глобальные сообщества, сети и организации образуют не просто новый институциональ-ный или структурный компонент современного мира, они являются еще и важной осью реконституирования коллективных идентичностей, а также новых цивилиза-ционных перспектив и контуров.

Данные сети, движения и сообщества, в том числе фундамен-талистские, выдвигают масштабные претензии на переопределение гражданства, прав и полномочий, вытекающих из этих прав. Они не считают себя ограниченными сильными гомогенизирующими культур-ными

предпосылками национального государства в его классической форме, особенно в том, что касается их присутствия в публичной сфере. Отсюда не следует, что данные движения и сообщества не желают быть «прописанными» в соответствующих обществах. Их борьба отчасти нацелена как раз на право получить прописку в своих странах — гораздо более серьезную, чем то предполагается классическими моделями ассимиляции — но уже на новых, более плюралистических, многомерных и мультинациональных условиях. Они желают добиться признания в публичной сфере, внутри гражданского общества, в отношениях с государством на правах культурно обособленной группы, формирующей свою собственную коллективную идентичность. Они не хотят быть ограниченными сугубо частным пространст-вом. Они притязают — что иллюстрируется, в частности, дебатами вокруг laïcité во Франции — на реконституиро-вании символов коллективных идентичностей в соответствующих странах.

Кристаллизация новых цивилизационных констелляций

Описываемые новые религиозные констелляции получили свое развитие по всему миру, у них есть значимые «локальные» отличия друг от друга. Эти отличия обусловлены разными традициями, разным историческим опытом и, наконец, разным современным контекстом. Многие новые религиозные сети, виртуальные сообщества и движения настойчиво подчеркивают свою аутентичность, на самом же деле являясь реконституированными традициями. И действительно — реконструкция и распространение подобных традиций является очень важным аспектом деятельности данных групп.

Подобная вариативность новых религиозных сетей не просто влечет за собой параллельные процессы в разных частях света, но еще и образует компоненты новых цивилизационных структур новых цивилизационных констелляций.

Если не брать многочисленные «локальные» различия, то основные констелляции нового религиозного пространства можно обнаружить по всему миру и особенно — но не только — среди классических «мировых религий». Новые глобальные сообщества и сети образуют не просто множество новых организационных и структурных элементов современного мира, сильно превышающее то множество, которое может быть обнаружены среди религий Осевого времени. Они также оказываются важными осями реконституирования новых цивилизационных перспектив, представляющих собой ответ на ключевые изменения совокупных структур современности, самой цивилизации современности в том ее виде, как она кристаллизовалась на сегодняшний день. Эти новые религиозные сети выходят за пределы классических контуров современности и влекут за собой возникновение новой цивилизационной констелляции.

Глобальная цивилизационная констелляция порождает масштабные культурные изменения; целую цепь перемен в структуре социальных отношений и в формировании ключевых политических границ, международных арен и процессов глобализации.

Эти перемены впервые дали о себе знать на Западе, однако затем распространились уже по всему миру, кристаллизовавшись в разных частях света. Первоначально они имели отношение к современным цивилизациям-«первопроходцам», однако затем вышли за их пределы, породив новые цивилизационные констелляции.

Паттерны социальных отношений и институциональные формации

Несколько феноменов сформировали основное ядро процессов, трансформировавших до недавнего времени господствовавшие паттерны социальных отношений и институциональных структур. Во-первых, нарастающее отстраивание основных — социальных, экономических, политических, семейных, гендерных — ролей, организаций, отношений от более общих макро-формаций, особенно от доминирующих формаций национальных и революционных государств, а также от «классических» классовых оснований, характерных для начальных и зрелых стадий развития индустриального капитализма. Во-вторых, масштабные изменения и трансформации в кристаллизации общих социальных формаций, классовых и статусных отношений. В-третьих, растождествление политических центров и основных социальных и культурных общностей. В-четвертых, развитие множества сетей и кластеров, выстраивающихся параллельно ряду организаций и «обществ». Под влиянием интенсивных процессов глобализации происходят масштабные перемены в конституции ряда социальных границ, что ослабляет и диверсифицирует до недавнего времени доминировавшие общности и социальные пространства; кристаллизуются новые культурные и социальные идентичности, Религия и множественные современности выходящие за пределы существующих политических и культурных границ; реконституируется место территориальности в структурировании социальных ролей и коллективных идентичностей; ослабевают до недавнего времени доминировавшие отношения между локальными и глобальными структурами. В сумме все это приводит к продолжающемуся переустройству относительно компактных стилей жизни, жизненных миров различных социальных секторов и классов, концепций «цивилизованного человека», воплощенных в классическом национальном государстве. С этим связан процесс кристаллизации множественности, плюралистичности и диверсифицированности семантическо-идеологических и институциональных связей между основными сферами жизни — между публичными и частными сферами, между работой и культурой, занятостью и проживанием, а также между примордиальными / сакральными и гражданскими компонентами в конституции коллективных идентичностей.

Развивается целый ряд постоянно меняющихся комбинаций множества культурных тем и тропов, собранных из различных культур по всему миру, дают о себе знать новые паттерны синкретизма различных культурных традиций, столь удачно проанализированные среди прочих Ульфом Ханнерцом[1]. Нередко подобные изменения приводят к кристаллизации меняющихся «альтернативных» современностей, бросающих вызов существующим господствующим моделям, а также образующих новые формы исключения и включения.

Культурные трансформации

Кристаллизация паттернов социальных отношений и институтов была тесно связана с новыми культурными тенденциями, заявившими о себе на Западе, а затем распространившимися по всему миру. Эти культурные тенденции способствовали масштабной критике культурной программы Просвещения, а также ее романтического отрицания, в том виде, в каком она возникла и институционализировалась в качестве господствующего дискурса классического периода современности. Началось ослабление того понимания реальности, которое активно распространялась в эпоху Просвещения и которое успело приобрести с тех пор статус гегемона. Особенно сильной критике подверглась вера в то, что судьба человека и природы может быть определена за счет сознательных усилий человека и общества. Когнитивная рациональность, особенно в виде крайних разновидностей сциентизма, которая нередко рассматривалась в качестве эталона Просвещения, была лишена своего доминирующего статуса вместе с идеей «завоевания» или «овладения» окружающей средой, под которой понимались и общество, и природа. Была поставлена под сомнение или же напрямую отвергнута обоснованность притязаний научного мировоззрения на доминирование, равно как притязание на истинность любого образа будущего, якобы присущего всему человечеству, образа, основанного на идеях прогресса или другого единого критерия (например, свободы), в соответствии с которым все общества могли бы быть сопоставлены или оценены.

В связке с этим шел процесс ослабления до недавнего времени доминировавших метанарративов современности с их отчетливым акцентом на историческом прогрессе, который в своих многочисленных просвещенческих и революционных версиях являл собой переосмысление в «секулярных» понятиях эсхатологических перспектив многочисленных сектантских движений. Все это привело к появлению более плюралистических, «мультикультурных» и пост-модернистских установок с характерным для них сильным релятивистским уклоном.

---

[1] *Hannerz U.* Transnational Connections: Culture, People, Places. London and New York: Routledge, 1996; Hannerz U. Cultural Complexity: Studies in the Social Organization of Meaning. New York: Columbia University Press, 1999.

Таким образом, по всему миру дала о себе знать тенденция, направленная на различение и даже разъединение Zweckrationalität[2] и Wertrationalität[3]; на признание огромного множества различных Wertrationalitäten; на подчеркивание возможной плюральности космологических перспектив и различных путей сочетания «вынесенной за скобки» Zweckrationalität с различными — эстетическими, социальными или моральными — формами Wertrationalitäten.

Трансформации национальных и международных политических пространств

Изменения в структуре господствующих паттернов социальных и институциональных отношений, а также культурные трансформации, произошедшие по всему миру — сначала на Западе, а за тем и за его пределами — были тесно связаны с трансформациями предпосылок и институциональных характеристик национальных госу-дарств. Эти перемены затронули также все политические констелляции и привели к трансформации границ политических и «национальных» сообществ[4]4.

Несмотря на то, что политические центры национальных и революционных государств продолжали осуществлять контроль над распределением ресурсов, равно как и сохранять определяющее влияние на ключевых международных аренах, статус национального и революционного государства как господствующего центра, регулирующего свои экономические и политические дела, оказался сильно урезан, несмотря на продолжающееся усиление «технократической» и «рациональной» секулярной политики в различных областях, будь то образование или, например, планирование семьи. Многие глобальные — прежде всего, финансовые — акторы обрели весьма большое могущество. Национальные и революционные государства утратили часть — но пока только часть — монополии на внутреннее и внешнее насилие, уступив часть полномочий множеству локальных и международных групп сепаратистов или террористов. Ни отдельные национальные государства, ни скоординированные действия нескольких национальных государств уже не могут контролировать повсеместно вспыхивающие очаги насилия. Кроме того, эти государства утратили свою полумонополию на создание международных площадок и правил их регулирования. Наконец, идеологическая и символическая значимость национальных и революционных государств, их статус основных носителей культурной программы современности, их статус ключевой оси выстраивания коллективной идентичности, а также регулятора различных идентичностей второго порядка были сильно подорваны; они уже

[2] целерациональность (нем.) — прим. пер
[3] ценностная рациональность (нем.) — прим. пер
[4] Sassen S. Territory-Authority-Rights: from Medieval to Global Assemblages. Princeton: Princeton University Press, 2006.

более не отождествляются с особой культурной или цивилизующей программой.

Среди наиболее важных следствий этих изменений можно отметить следующие: усиление значимости политики идентичности, переопределение границ общностей, поиск новых путей сочетания «локальных» и глобальных транснациональных или трансгосударствен-ных компонентов в процессах конституирования этих общностей. Данные изменения знаменуют собой масштабные трансформации культурных и политических структур, публичных пространств и гражданского общества.

Большинство некогда «подавленных» идентич-ностей — этнических, локальных, региональных и религиозных — обрели новую значимость. В некоторых случаях им удалось занять центральное положение в современных национальных и международных публичных пространствах. Они смогли сместиться — пусть и в сильно реформированном виде — в центры своих обществ и на международные арены, они настойчиво притязают на собственные автономные места в центральных символических и институциональных пространствах, будь то образовательные программы, взаимодействие с обществом или средства массовой информации. Кроме того, они притязают на переопределение гражданства, прав и полномочий, из этих прав вытекающих.

Данные процессы привели к умножению числа новых типов коллективной идентичности, укорененных, с одной стороны, в малые, постоянно меняющиеся «локальные» контексты, а с другой — в транснациональные и трансгосударственные структуры; к сопутствующему развитию новых политических транснациональных и трансгосударственных структур и организаций, наиболее впечатляющим примером которых является Европейский союз; к переконфигурации отношений между примордиальными / сакральными (религиозными) и гражданскими компонентами в конституции коллективных идентичностей, что приводит к новым формам исключения и включения.

Эти новые коллективные идентичности, продвигаемые, прежде всего, различными «новыми» социальными движениями — нередко в новых социальных средах, особенно в среде диаспор — бросают вызов гегемонии прежних гомогенизирующих программ национальных и революционных государств. Во многих подобных средах локальные и транснациональные идентичности нередко облекаются в универсалистские трансгосударственные формы, например в случае Европы; или же «укореняются» в мировых религиях — исламе, буддизме и различных ветвях христианства, переосмысленных в современном духе.

Сюда же относится и распространение внутри различных социальных секторов новых, менее идеологически гомогенных интерпретаций национальной идентичности и современности, выраженных в понятиях, отличных от тех, что были характерны для Просвещения, и позволяющих переосмыслить современность; например, переосмыслить городские или ре-

гиональные контексты, исходя из понятий собственных, особых моделей — греческой, турецкой, исламской, индийской или китайской.

Международные формации

Четвертым компонентом в кристаллизации новых цивилизационных формаций, образовавшихся в этот период, стали изменения структуры гегемоний в международном порядке; развитие новых отношений власти между различными государствами; а также появление на международной арене новых акторов, институтов и правил регулирования. Данные трансформации ознаменовали разложение «Вестфальс-кого» международного порядка и способствовали становлению «Нового мирового беспорядка»[5]. Становление этого беспорядка было ускорено распадом Советского союза, исчезновением биполярной стабиль-ности Холодной войны и устойчивого идеологического противостояния между коммунизмом и Западом. В результате, когда осталась только одна сверхдержава, США, то региональные и трансгосударственные струк-туры начали завоевывать все большую автономию; кроме того, сложилась новая конъюнктура геополитических, культурных и идеологических конфликтов.

Параллельно с этим все большую значимость начинают приобретать созданные после Второй мировой войны международные финансовые учреждения, в частности, Всемирный банк и Международный валютный фонд. И хотя нередко эти организации преследуют интересы США, все же им удается постепенно превращаться в относительно независимых акторов и регуляторов международных экономических процессов, способных однажды бросить вызов в том числе и американским интересам. Помимо этого возникают новые международные неправительственные организации, действующие «поверх» любого отдельного национального государства и нередко даже «поверх» более формализованных международных организаций.

Наконец, на мировой арене все больший вес набирают основные международные организации — ООН и разные региональные структуры, прежде всего, относящиеся к Европейскому союзу. Далее, появляется множество новых правовых институтов, например, Международный суд и Европейский конституционный суд, равно как и множество международных регулирующих профессиональных, правовых и экономии-ческих сетей.

Одновременно с этим укрепляются новые принципы легитимации, подрывающие основания государственного суверенитета, доминировавшие со времен Венского конгресса 1815 года. Самыми важными из этих принципов являются права человека, которые действуют «поверх» существующих государственных границ и призывают государственные структуры к ответу. Коалиции разных трансгосударственных — равно как и

[5] *Jowitt K.* New World Disorder: The Leninist Extinction. Berkeley: University of California Press, 1992.

относящихся к национальным государствам — политических акторов, совместно с новыми социальными движениями, опираясь на эти новые принципы, оказываются в состоянии влиять на политическую динамику государств, в том числе государств авторитарных. Некоторые из акторов мыслят эти процессы как провозвестники будущего глобального гражданского общества, выходящего за пределы существующих политических границ.

Подобные трансформации приводят к масштабным изменениям в распределении власти на национальных и, прежде всего, международных аренах. Они влекут за собой масштабное перетекание власти от некогда доминировавших национальных государств к новым центрам гегемонии, к различным глобальным политичес-ким институтам и организациям. Отсюда рост множества новых более дисперсных центров власти, нередко связанных с новыми акторами на международной арене, каждый из которых бросает постоянный вызов существующему международному порядку и господствующим институтам. В сочетании с изменениями во внутреннем институциональном устройстве различных государств, эти тенденции способствуют усилению нестабильности международной системы и приводят к новому мировому беспорядку. Данный беспорядок лишь усиливается неспособностью различных международных акторов и учреждений справиться со множеством проблем, сопровождающих нарастающий процесс глобализации, — будь то проблемы окружающей среды, эпидемий, контроля над ядерной энергии или же порождаемые той же глобализацией социальные проблемы.

Подъем дисперсных центров власти, нередко связанных с новыми акторами на международной арене, бросает вызов существующему международному порядку и его доминирующим институтам, конституируя тем самым основополагающий компонент Религия и множественные современности новой цивилизационной структуры, укорененной в классической цивилизации современности, но выходящий далеко за ее пределы.

Новые паттерны глобализации

Эти многочисленные изменения были действительно тесно увязаны с новыми паттернами глобализации, заявившими о себе на международной арене и ставшими центральным компонентом новых цивилизационных структур. Главной отличительной чертой современных процессов глобализации по сравнению с ее «предыдущими» этапами оказывается не просто размах глобального потока различных ресурсов, особенно экономических, и сопутствующее развитие новых форм глобального капитала и экономических формаций, о которых уже шла речь выше. Глобальные потоки экономических ресурсов, характерные для нынешнего периода, едва ли являются более масштабными по сравнению с потоками

ресурсов конца XIX – начала XX веков. Скорее специфическими особенностями современной глобализации следует считать, во-первых, доминирование новых форм международного капитализма, вытесняющих «старые» формы, в значительной мере основанные на «фордистских» принципах; переход от промышленности к сфере услуг, финансов и управления; сокращение различных кластеров рабочей силы, особенно тех, что связаны с высокими технологиями и финансовыми операциями; растущую автономию и относительное преобладание «денацио-нализированных», «детерриториа-лизированных», «глобальных» капиталистических финан-совых сил. Во-вторых, становление глобальной экономической неолиберальной гегемонии, выстраиваемой среди прочих основными международными институтами — Всемирным банком, МВФ и ВТО — получившей свое исчерпывающее выражение в «Вашингтонском консенсусе». В-третьих, глобальные процессы миграции, приводящие к обнищанию множества социальных секторов из ряда культурных и экономических ниш, до недавнего времени сохранявших стабильное, пусть и не очень привилегированное положение; нарастающая активность до недавнего времени негосподствовавших, вторичных или периферийных обществ и социальных секторов, их перемещение в центры соответствующих национальных и международ-ных систем и способность действовать поверх нацио-нальных и транснациональных институтов.

В-четвертых, продолжающийся рост противоречий и неравенства между различными центральными и периферийными секторами как внутри обществ, так и между ними. Особую важность в данном контексте имеет, прежде всего, совокупность противоречий между социальными секторами, успешно инкорпорировавшимися в доминирующие финансовые и «высокотехноло-гичные» экономические структуры, и теми из них, которым это не удалось; отсюда вытекает масштабная дислокация ряда секторов, переживающих снижение уровня жизни и острое чувство обделенности. Данная дислокация дает о себе знать не только в отношении самых низших экономических страт — бедных крестьян или городского люмпенизированного пролетариата, хотя, конечно, данный процесс бьет и по ним. Самыми заметными жертвами процесса дислокации оказываются, во-первых, группы из средних и низших страт традиционных секторов, до недавнего времени встроенных в относительно стабильные — пусть и не очень процветающие — социальные, экономические и культурные структуры или ниши, отныне оказавшиеся вытесненными в самые низшие страты новых городских центров; во-вторых, различные высокомобильные «современные» образованные группы — профессионалы, выпускники современных университетов и прочие люди, для которых автономный доступ к новым политическим центрам или же участие в их работе оказались невозможными; в-третьих, крупные социальные сектора, исключенные из числа рабочей силы.

Важным аспектом данных трансформаций является то обстоятельство, что многие неравенства и дислокации, вытекающие из процессов

глобализации, наложились на религиозные, этнические или культурные различия. Одновременно с этим по всему миру наблюдается продолжающийся рост конфликтов социальных секторов, относящихся к «периферийным» обществам, и секторов различных центров глобализации. Такое сочетание дислокации и сопутствующего движения «периферийных» секторов или обществ в различные доминирующие центры наиболее красноречиво иллюстрируется диаспоральными религиозными, этническими и национальными виртуальными сообществами, превратившимися в новый значимый фактор на международной арене. Если воспользоваться удачным выражением Арджуна Аппадурая[6], то они явили собой «силу малых чисел», став
важным элементом новых социальных движений, особенно антиглобалистских.

Эти изменения были связаны — а по сути, тесно переплетены — с кристаллизацией основных религиозных констелляций, проанализированных выше; прежде всего, с «возвращением» религии в публичные пространства как на национальном, так и на международном уровне, что в некотором смысле является эталонным образцом данных изменений. Одним из наиболее ярких примеров тесного переплетения новых религиозных констелляций с возникающими цивилизационными структурами можно считать глобальный рост протестных движений нового типа, в частности, антиглобалистского движения, развившегося в этот период и превратившегося в важный фактор глобального мира. Возникновение данных движений было непосредственно связано с масштабной трансформацией движений и идеологий протеста, происходившей по всему миру начиная с последних десятилетий XIX века.

Межцивилизационная конъюнктура — трансформация движений и идеологий протеста

Одним из наиболее важных проявлений новой цивилизационной структуры стало тесное переплетение множества новых религиозных констелляций с движениями и тенденциями протеста нового типа, получившими развитие с конца 1960-х годов.

Протестные движения с революционным потенциа-лом продолжают оставаться важным компонентом социальной и политической арены, однако их структура, а также их цели и перспективы все время усиливаются и радикально трансформируются под влиянием процесса глобализации. Движения и символы протеста сохраняют свою значимость для политических и культурных сфер — равно как и для конституции и развития современных государств. Наиболее важными из них можно считать новые студенческие и антивоенные движения конца 1960-х годов — знаменитые «движения 1968 года», которые наложили свой отпечаток на большинство последующих протестных движений. Эти движения смогли выйти за

[6] Appadurai A. Fear of Small Numbers: An Essay on the Geography of Anger. Durham: Duke University Press, 2006.

пределы как «классической» модели национального государства, так и «классических» либеральных, националистических и социалистических движений, они пошли в двух основных направлениях, которые внешне противостояли друг другу, но на самом деле тесно пересекались. С одной стороны, это были различные «постмодернистские» и «постматериалистические» движения, например, движения феминисток, экологов, антиглобалистов. С другой стороны, появилось множество движений, в основе которых были крайне идеологизированные, агрессивные партикуляристские, локалистские, этнические, культурные требования. Появились движения религиозно-фундаменталистского и религиозно-общинного толка. Они ориентируются на различные альтернативные модели — прежде всего, касающиеся идентичности, но не только ее; опорой таких движений были различные группы, которые чувствовали себя обделенными в результате процессов глобализации.

Темы, озвучиваемые представителями этих движений, нередко рисуемых в качестве предвестников масштабных перемен в современном культурном и институциональном пространстве, а также вероятного полного отказа от «программы современности», подразумевают существенные трансформации как во внутреннем устройстве государства, так и международной арены; трансформации протестных установок и тем, а также революционного «воображаемого» (imaginaire), являвшегося основополагающим для развития современного социального порядка, — прежде всего, социального порядка современных революционных государств[7].

Общим знаменателем этих движений нового типа, определяющих их отличие от «классических» движений прошлого, стало, во-первых, смещение фокуса протестных устремлений — в сторону от центров национальных и революционных государств, а также от конституции «национальных» и революционных общностей как носителей принципов модерна. Они переключают свое внимание на различные диверсифицированные сферы, в рамках которых уже трансформированные национальные государства теперь являются только частным случаем. Во-вторых, «классическое» революционное «воображаемое» (imaginaire), которое выступало раньше в качестве главного компонента протеста, заметно ослабло. В-третьих, развились новые институциональные структуры, позволяющие воплощать новые стратегии. В-четвертых, возникли новые перспективы межцивилизационных отношений.

Вопреки базовым установкам прежних, «классичес-ких» движений, акцентировавшихся на форми-ровании и потенциальной трансформации соци-ально-политических центров (центров нации или государства), а также границ основных макро-общностей, новые протестные движения ориентированы на то, что один из исследователей охарактеризовал как

[7] Mann M. Has Globalization Ended the Rise of the Nation State? // Review of International Political Economy. 1997. Vol. 4 (3). P. 472 – 496.

расширение масштабов социальной жизни и участия. В частности, это проявилось в претензии на все большее участие в различных общинных структурах, гражданских движениях и так далее. Вероятно, первым самым простым сигналом начала этой перемены в установках стало смещение акцента с «уровня жизни», что было характерно для 1950-х годов в ситуации продолжающегося технологического и экономического прогресса, на «качество жизни», что было обозначено в 1970-е годы как переход от материалистических ценностей к ценностям постматериалистическим. По словам Хабермаса[8], эти движения переключили свое внимание с проблем распределения на «грамматику жизни». Ключевым аспектом стал растущий акцент на политике идентичности — особенно в движениях, развившихся в секторах, обделенных процессами глобализации; акцент на конституировании новых религиозных, этнических и локальных коллективов, нацеленных на посюсторонние, партикуляристские проблемы, описывае-мые нередко на языке эксклюзивной культурной идентичности с очень агрессивными обертонами.

С этими процессами тесно связана трансформация утопических, прежде всего, трансцендентных установок — будь то тотальные «якобинские» установки, характерные для множества революционных движений, или же более статичные утопические перспективы, призывавшие к избавлению от различных ограничений и тягот современного общества. Акцент трансцендентных утопических установок сместился из центров националь-ных государств и цельных политико-национальных общ-ностей к более гетерогенным дисперсным пространствам, к различным «аутентич-ным» формам жизненных миров, имеющим «мультукультурную» и «постмодернистскую» направленность.

В дискурсе, связанном с этими тенденциями, — прежде всего, на Западе, но также и за его пределами — большое внимание уделяется мультикультурализму, кото-рый можно рассматривать или как возможное дополнение к гегемонистской модели однородного современного национального государства, или как такой новой модели, которая полностью заменит старую.

Разные темы протеста и утопических установок переплелись с многочисленными требованиями, выдвигаемыми «группами одного требования» (single-issue groups), также получившими распространение в этот период. Кроме того, они соединились с различными национальными, региональными и трансгосударственными движениями, ратующими за такие формы идентичности, которые нередко не совпадают с существующими государственными границами. Среди таких движений особую значимость имеют, прежде всего, бесчисленные антиглобалистскими движения, набравшие обороты в последние два или три десятилетия XX века.

Подобные новые протестные установки находятся в тесной связи с новыми религиозными констелляциями, проанализированными выше, и в

[8] Habermas J. New Social Movements // Telos. 1981. No. 49. P. 33.

особенности с различными антиглобалистскими идеологическими движениями.

Несмотря на то, что такие межцивилизационные «антиглобалистские» и антигегемонистские течения, выдвигающие альтернативу космополитическим центрам глобализации, присутствовали всегда (будь то эллинистическая, римская, китайско-конфуцианская, индуистская цивилизации, «классическая» исламская эпоха или же эпоха начала Нового времени), в сегодняшней ситуации они усилились и трансформировались. Во-первых, благодаря средствам массовой информации они распространились по всему миру. Во-вторых, эти течения политизировались до предела, они оказались встроенными в контекст жестких противоречий, описываемых на крайне политизированном идеологическом языке. В-третьих, их распространение привело к продолжающемуся реконституированию коллективных идентичностей в новом глобальном контексте и сопутствующим конфликтам между ними. В-четвертых, эти течения предприняли усилия по новой интерпретации, новому осмыслению современности, что привело к появлению новых межцивилизационных установок и отношений; они попытались разъединить современность и вестернизацию, отнять монополию на современность у «Запада», у западного «Просвещения» и западных романтических программ; они захотели осмыслить современность и определить ее исходя из своих собственных понятий, чаще всего уходящих корнями в характерные особенности их цивилизаций. Ключевым компонентом данного дискурса было в высшей степени амбивалентное отношение к Западу и, в особенности, к США, к их преобладанию и гегемонии; наиболее явно это было выражено в распространении по всему миру мощных антиамери-канских движений, развившихся в этот период, в том числе, и в ряде европейских стран.

Эти течения были тесно связаны, с одной стороны, с описанными выше изменениями в основных религиях; это особенно проявилось в их «новом вхождении» как в национальные, так и в международные публичные пространства. С другой стороны, они оказались увязаны с масштабными трансформациями движений и идеологий протеста, развившихся по всему миру начиная с последних десятилетий XIX века.

Данные течения заявили о себе с особой наглядностью в различных диаспорах и виртуальных сообществах и сетях. Одновременно они проявились во множестве новых социальных движений, развившихся почти во всех «устоявшихся» обществах. Действительно, именно внутри этих виртуальных сообществ и сетей зародились самые масштабные интенсивно трансформирующие «реакции» на процессы глобализации; на гегемонистские притязания различных (нередко конкурирующих между собой) центров глобализации. Данные «реакции», если позволить себе вновь процитировать Арджуна Аппадурая[9], свидетельствуют о «власти малых

[9] *Appadurai A.* Fear of Small Numbers: An Essay on the Geography of Anger. Шмуэль Эйзенштадт №1(30) · 2012 53

чисел» и образуют один из наиболее гибких и огнеопасных компонентов глобального мира; они также представляют собой важный фактор трансформации межцивилизационных отношений на современной арене, способствующий упрочению образа «столкновений цивилизаций».

Говоря о новых цивилизационных установках, об изменении отношения к предпосылкам культурной и политической программы современности, а также отношения к Западу, мы должны отметить существенные различия между, с одной стороны, ключевыми «классическими» национальными и религиозными, в особенности реформистскими, движениями и, с другой стороны, новыми общинными религиозными движениями, прежде всего, движениями фундаменталистскими. Все эти движения тесно связаны с конституированием новых виртуальных сообществ.

Данные течения знаменуют собой отход от прежних реформистских и религиозных движений, получивших развитие во всех незападных обществах начиная с XIX века и далее. Столкновение с Западом для современных антиглобалистских движений не подразумевает поиск путей инкорпорирования в современную доминирующую цивилизацию на ее условиях; скорее речь идет о поиске самостоятельного усвоения нового международного глобального порядка и современности с опорой на собственные традиции.

Цель данных движений заключается в том, чтобы подхватить программу современности, исходя из собственных цивилизационных предпосылок, которые были бы укоренены в основополагающих — пусть и сильно переосмысленных — образах и символах цивилизационной и религиозной идентичности. Нередко данные образы и символы описываются как универсалистские предпосылки соответствующих религий и цивилизаций. Общая задача — трансформирование всего глобального контекста на основе этих символов.

Эти движения являются частью более масштабных изменений, идущих по всему миру в мусульманских, индийских, буддийских обществах. Они — пусть и в явно трансформированном виде — продолжают процесс борьбы прежних реформистских и традиционалистских религиозных движений, разворачивавшийся во многих незападных обществах. Для данных движений действительно характерно ярко выраженное конфронтационное отношение к Западу, ко всему тому, что так или иначе относится к Западу. Они пытаются осмыслить современность и глобальную систему исходя из своих собственных незападных и нередко антизападных понятий. Конфронтационное отношение к Западу связано с радикальными усилиями, направленными на «отсоединение» современности от вестернизации, на отнятие у Запада монополии на современность, на усвоение современного мира, современности в понятиях, укорененных в их собственных традициях.

Однако одновременно перспективы, основанные на этих традициях, постоянно трансформируются под влиянием «современных» программ; как это ни парадоксально, они формулируются — и это становится все более очевидно — в понятиях спора о модерне. В ряде отношений данные дискурсы и споры напоминают спор о модерне в его ранних формах, развивавшийся в самих центрах европейской современности. В частности, эти дискурсы напоминают критику доминирующей просвещенческой программы современности, ее изъянов и антиномий. Так, например, большая часть критики проекта Просвещения Саида Кутба, вероятно, самого интересного фундаменталистского теолога, очень близка, а нередко и напрямую связана с основными течениями европейской религиозной и «светской» критики Просвещения. Эти дискурсы восходят к де Местру, к романтикам, к народникам (славянофилам и т. д.) Центральной и Восточной Европы (прежде всего, России), а также к тем, кто, по словам Чарльза Тейлора[10], делал акцент на сферу человеческого опыта. Далее через Ницше они вплотную подходят к Хайдеггеру. Другими словами, различные антиглобалистские антизападные движения и идеологии по-своему озвучивают основные изъяны и антиномии современности, тем самым свидетельствуя о том, что они — как это ни парадоксально — являются составляющими элементами новой общей глобальной цивилизационной структуры, укорененной в программу современности, но выходящей за ее пределы.

Еще одним важным компонентом современной религиозной сцены — если учесть тот факт, что различные религии отныне действуют в условиях общего цивилизационного контекста — являются меняющиеся отношения между различными, особенно «мировыми», религиями. Конкуренция и борьба между религиями становится все более ожесточенной, однако одновременно проглядывают тенденции к появлению общих знаменателей, к увеличению числа обнадеживающих встреч и собраний, нацеленных на выработку коллективного отношения к некоторым явлениям новой цивилизационной структуры.

Описываемые усилия по реформулированию цивилизационных предпосылок предпринимаются не только этими движениями. Схожие тенденции — пусть и в менее драматических формах — проглядывают и в новых институциональных структурах, например, в ЕС, в различных локальных и региональных структурах, а также во всевозможных попытках разных «периферий» — например, через дискуссии об азиатских ценностях — оспорить западную и особенно американскую гегемонию, а также сформировать свои собственные правомочные современности. Схожие усилия по реформулированию правил и предпосылок наблюдаются во многих течениях «народной» культуры, бросающих вызов видимому преобладанию американской перспективы, продвигаемой средствами массовой информации, находящимися, как это обычно считается, под

[10] Taylor Ch. A Secular Age. Cambridge: Harvard University Press, 2007.

контролем США. Результатом становится рост транснациональных индийских и восточноазиатских средств массовой информации с масштабной зоной охвата.

Споры и конфронтации, в которые вовлекаются данные движения и акторы, нередко описываются в «цивилизационных» понятиях. Собственно, «цивилиза-ции» и возникают в этих спорах. Однако сами эти понятия, пусть и коренящиеся в религиозных традициях, уже пропущены через язык современности, через тотальные, нередко эссенциалистские и абсолютистские концепции, вытекающие из базовых предпосылок спора о модерне со всеми его изъянами и антиномиями. Когда подобные столкновения и споры накладываются на политические, военные или экономические конфликты и противостояния, результатом может быть эскалация насилия.

Действительно, масштабные изменения на международной арене вкупе с процессами глобализации приводят к драматическим результатам. В частности, растет число и интенсивность агрессивных движений и межцивилизационных противостояний, позволяющих говорить о складывании нового международного беспорядка. Реакции на этот беспорядок закладывают предпосылки для превращения ассиметричной войны, проанализированной Германом Мюнклером11, в основной тип современных военных конфликтов, главную роль в которых играют именно эти многочисленные движения.

Анализ тенденций в религиозных сферах, представленный выше, показывает, что это не просто важные изменения различных аспектов или измерений религиозного поведения, практик, верований и организаций, но еще и крайне важный компонент масштабной трансформации цивилизационных структур, а также места религии внутри этих структур, — трансформаций, выходящих далеко за рамки динамики Осевого времени и эпохи начала Нового времени, когда сама конституция базовых гегемонист-ских институцио-нальных и идеологических формаций была глубоко укоренена в религиозных предпосылках и институцио-нальных структурах. На арене современного мира различные грани «религии» конкурируют друг с другом за свое место в этой новой структуре.

Перевод с английского под редакцией
Дмитрия Узланера

Библиография

Appadurai A. Fear of Small Numbers: An Essay on the Geography of Anger. Durham: Duke University Press, 2006.

Habermas J. New Social Movements // Telos. 1981. No. 49.

11. *Münkler H.* Über den Krieg: Stationen der Kriegsgeschichte in Spiegel ihrer theoretischen Reflexion. Weilerwist: Velbrück, 2003.Религия и множественные современности 56 © Государство · Религия · Церковь

Hannerz U. Cultural Complexity: Studies in the Social Organization of Meaning. New York: Columbia University Press, 1999.
Hannerz U. Transnational Connections: Culture, People, Places. London and New York: Routledge, 1996.

Jowitt K. New World Disorder: The Leninist Extinction. Berkeley: University of California Press, 1992.

Mann M. Has Globalization Ended the Rise of the Nation State? // Review of International Political Economy. 1997. Vol. 4. No. 3.

Münkler H. Über den Krieg: Stationen der Kriegsgeschichte in Spiegel ihrer theoretischen Reflexion. Weilerwist: Velbrück, 2003.

Sassen S. Territory-Authority-Rights: from Medieval to Global Assemblages. Princeton: Princeton University Press, 2006.

Taylor Ch. A Secular Age. Cambridge: Harvard University Press, 2007.